

— Убей меня... Убей меня...

Человек в его объятиях продолжал дрожать без остановки, его дрожащие пальцы с трудом пытались дотянуться до отнятой серебряной шпильки, но никак не могли её достать. В его голосе звучала истеричная решимость, но в то же время невыразимое облегчение.

— Когда я умру... когда я умру... всё... всё станет лучше... станет...

— Я не убью тебя, — Цзян Лоюй, увидев, что тот пытается дотянуться до шпильки, мгновенно помрачнел, поднял руку, чтобы нажать на точку сна на теле человека в своих объятиях, но пальцы его так и не опустились. Его глаза, подобные чёрному нефриту, в темноте казались ещё более мрачными, словно небо без звёзд. Его прохладные пальцы мягко легли на спину человека, а голос звучал низко.

— Я Цзян Лоюй, разве ты меня не узнаёшь?

Его голос разнёсся в темноте, и человек в его объятиях внезапно перестал дрожать, тело его обмякло.

— Миньюй... Миньюй? — Цзян Лоюй мгновенно ощутил, что человек в его объятиях перестал реагировать, и тихо позвал его дважды, после чего поднял Бай Миньюя на руки и быстрыми шагами направился к открытой двери. — Кто-нибудь!

Его слова ещё не успели закончиться, как Чжу Юэ, подхватив подол платья, быстро подбежала к нему. Увидев, что Бай Миньюй в его объятиях без сознания, а его белая одежда покрыта кровью, на её лице появилось выражение удивления. Она посмотрела на Цзян Лоюя, который держал человека с бесстрастным лицом, и робко спросила:

— Наследник... это... что с Бай Шуаном?

— Он потерял сознание. Ты должна немедленно вызвать дворцового врача... нет, нельзя, — Цзян Лоюй сначала хотел, чтобы она позвала врача, но, подумав, решил, что это может встревожить госпожу Чжэнь, а также может раскрыть, что Бай Миньюй — мужчина. Он тут же остановил служанку и, немного подумав, сказал. — Чжу Юэ, сначала вернись во двор. Когда Бай Шуану станет лучше, я вернусь. Если Цин Хун и Ванься спросят, скажи всем во дворе, что я у Бай Шуана, но ни в коем случае не позволяй им узнать, что он ранен, поняла?

Чжу Юэ, услышав это, тут же поклонилась в знак согласия, но, глядя на кровь на теле Бай Миньюя, не смогла сдержать тихих слов:

— Да, наследник, но Бай Шуан...

Её слова не успели закончиться, как Цзян Лоюй вздохнул, с неопределённым выражением лица посмотрел на человека в своих объятиях и долго не мог вымолвить ни слова.

Примерно через время, необходимое для того, чтобы выпить чашку чая, Цзян Лоюй повернулся, уложил человека на кушетку в комнате, вышел из комнаты и сказал Чжуй Юню, стоящему рядом:

— После моего ухода помни, что в комнате должен постоянно гореть успокаивающий благовоний. Если совсем не получится, добавь немного снотворного, но ни в коем случае не позволяй ему проснуться и устроить ещё больше проблем, понял?

Чжуй Юнь, услышав это, слегка опешил, инстинктивно оглянулся на Бай Миньюя, который лежал на кушетке с нажатой точкой сна и перевязанной раной, и тихо спросил:

— Наследник, куда вы собираетесь?

Цзян Лююй опустил взгляд, в его глазах мелькнула холодная тень:

— Я отправляюсь в Павильон Холодной Реки. Вернусь до ужина. До моего возвращения никто не должен войти в эту комнату!

Его слова ещё не успели закончиться, как он, словно тень, в полдень взлетел на крышу с помощью лёгкого шага и, пока никто не заметил, быстро направился за пределы княжеской резиденции.

Прошло полчаса, и перед верхней комнатой крупнейшего чайного дома Павильон Холодной Реки в столице мужчина средних лет, одетый как богатый купец, с книгой счетов в руке, поглаживая свою бороду, медленно вошёл внутрь.

Комната, в которой он находился, была разделена на две части. Перед кушеткой в комнате была натянута плотная занавеска, а также занавеска из круглых красивых жемчужин, которые, раскрываясь, издавали приятный звук, выделяющийся среди шума чайного дома.

Только что войдя в комнату и закрыв дверь, мужчина, похожий на купца, положил книгу счетов и собирался войти вглубь комнаты, как его взгляд скользнул за занавеску, где, казалось, стоял человек, повернутый к нему спиной. Он тут же выпрямился, на его добродушном, как у Милэ, лице появилось выражение почтения, и он, опустившись на одно колено перед занавеской из жемчужин, тихо сказал:

— Подчинённый приветствует главу павильона.

Если бы кто-то находился в этот момент в комнате, он бы узнал, что человек, вошедший в комнату и одетый как богатый купец, был не кто иной, как главный управляющий чайного дома Павильон Холодной Реки в столице — Мэн Цзюцянь.

Человек за занавеской из жемчужин, услышав его голос, медленно повернулся, позволяя солнечному свету из окна осветить его лицо, скрытое серебряной маской, и его тёмную одежду, вышитую серебряными нитями. Его тонкие губы изогнулись в лёгкой улыбке:

— Встань.

Человек, стоящий на одном колене, услышав это, тут же поднялся и, стоя перед занавеской, сложил руки и тихо сказал:

— Глава павильона пришёл, чтобы узнать о том деле, о котором вы говорили?

— Изначально я не собирался спрашивать об этом, — человек, стоящий у окна, слегка пошевелил своими бледными пальцами, его голос звучал так, словно он плыл в воздухе, лёгкий, как ветер, и едва слышный, с оттенком безразличия, но тон его был очень серьёзным.

— Но раз уж ты сам об этом заговорил, значит, всего за год это дело продвинулось?

— Отвечаю главе павильона. Ещё более десяти лет назад, при старом главе павильона, наши люди уже проникли во дворец и ждали указаний, — Мэн Цзюцянь, стоя перед занавеской, опустил голову и чётко доложил человеку за занавеской. — Поэтому, даже если информация,

которую требует глава павильона, крайне трудно получить, она уже была получена вскоре после вашего приезда в столицу.

Человек в серебряной маске, скрывающей почти всё его лицо, услышав это, улыбнулся ещё шире:

— Если так, представь её.

— Да.

Мэн Цзюцянь, услышав это, тут же повернулся, отодвинул сундук, стоящий в углу за занавеской, достал из тайника длинную коробку, открыл её ключом, который был у него в руках, и вынул из неё свиток с картиной. Он почтительно протянул руку через занавеску и передал картину человеку, который уже стоял недалеко от него.

Человек за занавеской развернул картину и быстро взглянул на неё. Серебряная маска скрывала его выражение лица, но по его глазам, похожим на чёрный нефрит, можно было заметить тень интереса:

— ...Эта женщина в жёлтом платье на картине — возлюбленная императора?

Мэн Цзюцянь тихо ответил:

— Отвечаю главе павильона, точнее сказать, это женщина, которую император так и не смог получить.

— О? — Человек в маске повернулся и, внимательно рассматривая картину, с улыбкой сказал.
— Тогда мне стало любопытно, дядя Мэн, как вы это узнали?

Мэн Цзюцянь заколебался и, запинаясь, сказал:

— Глава павильона, это...

Человек в серебряной маске, заметив его колебание, слегка постучал бледными пальцами по картине, в его голосе звучала улыбка, но в глазах не было никаких эмоций:

— Дядя Мэн, такая реакция с вашей стороны... неужели возлюбленная императора имеет какое-то отношение к нашему павильону?

Мэн Цзюцянь, услышав это, тут же заколебался, долго не мог вымолвить ни слова.

Более двадцати лет назад Павильон Холодной Реки открылся в столице, и его первым главой был покойный князь Сяояо Цзян Ин. При его поддержке и содействии сеть разведки Павильона Холодной Реки стала плотной, как паутина, покрывая почти весь Далун, и даже во дворце были шпионы Павильона. После смерти князя Сяояо Цзян Ина нынешний глава павильона — наследник князя Сяояо Цзян Лоуй, который занял этот пост год назад, предъявив соответствующий знак.

Личность главы павильона всегда была тайной для Павильона Холодной Реки, и только он один знал, кто стоит перед ним. Поэтому, получив это сообщение, Мэн Цзюцянь был потрясён и снова потребовал подтвердить его достоверность. Результаты повторного расследования ещё не были готовы, а глава павильона уже спрашивал об этом... Что же делать?

— Это... Глава павильона, то, что я сейчас скажу, — это лишь предположение того, кто передал

сообщение. Это сообщение слишком... его нельзя воспринимать всерьёз.

— Если ты не скажешь, как я могу знать, стоит ли это воспринимать всерьёз? — Цзян Лююй, скрытый под маской, оставался невозмутимым, его голос звучал без эмоций. — Говори.

Через некоторое время Мэн Цзюцянь закончил объяснение и с тревогой стоял на месте, не говоря ни слова. В комнате остался только Цзян Лююй, который, повернувшись, сел на кушетку, а в его руках уже был свёрнутый свиток с картиной, который постепенно сгорал в пламени свечи. Его чёрные глаза, похожие на нефрит, отражали тени пламени, и он спокойно сказал:

— Считаю, что я никогда этого не слышал, и ты никогда этого не говорил. Впредь Павильон Холодной Реки не должен больше расследовать это дело.

Мэн Цзюцянь тут же поклонился:

— Да.

<http://bllate.org/book/17692/1651015>